

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

«НОЛАН И К. ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 2512/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

12 февраля 2009 г.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

06.07.2009

Может подлежать редакторской правке.

По делу «Нолан и К. против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Кристос Розакис, *Председатель*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Хаджиев,

Дин Шпильман,

Сверре Эрик Джебенс, *судьи*,

и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

заседая за закрытыми дверями 23 января 2007 г.,
вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА.

1. Дело было инициировано жалобой N 2512/04, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) двумя гражданами США Петриком Фрэнсисом Ноланом (далее - заявитель) и К. (далее - сын заявителя) 18 декабря 2003 г.

2. Интересы заявителя представляли Г. Крылова и Д. Холинер, адвокаты, практикующие в г. Москве и г. Лондоне соответственно. Власти Российской Федерации были представлены бывшим Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Решением от 30 ноября 2006 г. Европейский Суд признал жалобу частично приемлемой.

4. Заявитель и власти Российской Федерации представили объяснения по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА.

5. Нолан и К. родились в 1967 и 2001 годах соответственно и проживают в г. Тбилиси, Грузия. Нолан является отцом и единственным опекуном К.

6. С 1988 года заявитель являлся последователем Церкви Объединения (далее - Церкви), религиозного движения, основанного Мун Сон Меном в 1954 году.

А. Правовой статус "Церкви Объединения" в России.

7. 21 мая 1991 г. Церковь Объединения была официально зарегистрирована в качестве религиозной организации в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике.

8. 29 декабря 2000 г. Министерство юстиции Российской Федерации перерегистрировало Церковь Объединения на федеральном уровне в качестве централизованной религиозной организации. Оно действовало на основании экспертного заключения Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы, который, в частности, указал следующее:

"В Российской Федерации ни Церковь Объединения, ни ее руководители никогда не привлекались к уголовной ответственности. Нарушения Федерального закона "О свободе совести и религиозных объединениях" со стороны Церкви Объединения или ее представителей не допускались. Таким образом, (1) Церковь Объединения является религиозной некоммерческой организацией и, следовательно, обладает признаками религиозного объединения, предусмотренными пунктом 1 статьи 6 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях"; 2) в ее религиозном вероучении и соответствующей ему практике не обнаружено признаков противозаконных действий".

В. Проживание заявителя в России

9. В 1994 году Церковь пригласила заявителя для содействия ее деятельности в Российской Федерации. В 1994 году Министерство иностранных дел Российской Федерации выдало заявителю разрешение на пребывание на территории России. Это разрешение на пребывание впоследствии ежегодно продлевалось министерством на основании приглашений, выданных зарегистрированной религиозной организацией Церкви Объединения в г. Москве и ассоциированной общественной организацией, находящейся в г. Санкт-Петербурге, "Федерация семей за мир во всем мире и объединение" (ФСЕММ).

10. Заявитель преимущественно проживал в г. Ростове-на-Дону, на юге Российской Федерации, где он работал с местными отделениями

Федерации семей и "Федерации молодежи за мир во всем мире" (ФМММ). Заявитель пояснил, что, хотя Церковь Объединения, ФСЕММ и ФМММ и другие объединения, осуществляющие свою деятельность в Российской Федерации, юридически независимы друг от друга, они сотрудничают друг с другом в достижении аналогичных целей. По сведениям заявителя, эти организации признают свое происхождение от движения Объединения, основанного преподобным Муном; их различные наименования и правовые формы являются отражением специфической деятельности, которой они занимаются, а также свидетельствуют о том, что общественные организации открыты для людей, придерживающихся других вероисповеданий.

11. 21 мая 1999 г. ФСЕММ создала местную организацию в г. Ростове. Поскольку принимающая заявителя организация несла ответственность за его регистрацию по месту жительства в милиции в период его пребывания на территории России, то договоренность о совершении указанной процедуры была достигнута с ростовским отделением ФСЕММ.

12. 10 января 2000 г. исполняющий обязанности Президента Российской Федерации своим Указом N 24 внес изменения в "Концепцию национальной безопасности Российской Федерации", принятую в 1997 году. Соответствующий пункт главы IV "Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации" был изложен в следующей редакции:

"Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту... духовно-нравственного наследия... формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения... а также включает в себя противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров...".

13. 25 июля 2000 г. Промышленный районный суд г. Ставрополя, рассмотрев заявление исполняющего обязанности прокурора Ставропольского края, принял решение ликвидировать региональную общественную организацию ФСЕММ и запретить ее деятельность "независимо от факта государственной регистрации" на том основании, что организация проводила "религиозную деятельность под прикрытием зарегистрированной общественной организации". 25 октября 2000 г. судебная коллегия по гражданским делам Ставропольского областного суда оставила без изменения решение Промышленного районного суда г. Ставрополя от 25 июля 2000 г.

14. 3 августа 2000 г. официальное издание Правительства Российской Федерации "Российская газета" опубликовало статью о деятельности Церкви Объединения на юге России, которая, по данным заявителя, содержала общее изложение оснований, позднее

использованных Федеральной службой безопасности для его высылки. Статья называлась *"Гуцулочки" от Муна до маразма доведут*:

"Прокуратура Ставропольского края запретила деятельность общественных движений, под крышей которых... кореец Мун скупает души - по 500 "баксов" за штуку.

В свое время в Ставрополе в управлении юстиции были зарегистрированы две общественные организации - "Федерация молодежи за мир во всем мире" (ФМММ) и "Федерация семьи за единство и мир во всем мире" (ФСЕММ). Как выяснилось, эти так называемые общественные движения проповедуют одну из самых опасных религий уходящего века.

Завлекают юношей и девушек в семью Муна безобидные на вид "коробейники"; которые продают или раздаривают газету "Новые семьи" и дешевые карамельки... Молодые проповедники, которых свободно допускали в ставропольские школы читать лекции в старших классах, представлялись волонтерами "Международного фонда образования" (МФО). МФО - одна из многочисленных епархий Муна.

У самозванных лекторов никаких документов на право бесед со школьниками не было. Зато "в нагрузку" к лекциям они раздавали карамельки. Позже экспертная комиссия Ставропольской клиники пограничных состояний дала нелестное заключение о карамельках "Гуцулка", которые муниты дарили детям и взрослым. Оказывается, безобидная на вид конфета разрушает энергоинформационный профиль человека. Проще говоря, такие конфетки, внутрь которых бог знает что добавлено (на некоторых просматриваются отверстия), облегчают зомбирование неофитов.

Содержание лекций мунитов оставляет стойкое ощущение маразма. Достаточно почитать методичку МФО - конспект лекции "Подготовка к крепкому браку". Цитирую: "Половые органы принадлежат супругу, выполняют свое предназначение только в супружеских отношениях".

Через некоторое время... (молодого человека) познакомили с главным мунитом на Северном Кавказе Патриком Ноланом. Новеньким его преподносили как профессора из Америки, который периодически приезжал из Ростова-на-Дону...

В России в мунистское движение входит масса ассоциаций - профессоров, женщин и даже работников СМИ, включая культурные фонды и упомянутые ФСЕММ и ФМММ. Все эти общественники являются проповедниками Церкви Объединения. Между тем еще три года назад Федеральное Собрание Российской Федерации назвало "Церковь Объединения" тоталитарной сектой, деструктивным культом.

Наконец за мунитов взялись прокуратура и ФСБ Ставропольского края. Прокурор края направил... заявление о ликвидации ФМММ и запрещении ее деятельности. То же самое касается и ФСЕММ...

Открытым пока остается вопрос: зачем цепкий в бизнесе преподобный Мун так тратится на россиян? Есть только версии. Недавно... у одного муниста были изъяты адреса... Среди них - адрес американца Патрика Нолана, обретающегося в Ростове, а также два электронных адреса ЦРУ. Почему бы в таком случае не предположить, что цель Муна... - накинуть на нашу страну шпионскую сеть в виде миллионной агентуры из учителей, академиков, инженеров, студентов и военных..."

15. 26 июня 2001 г. виза заявителя на пребывание на территории России была продлена еще на один год Министерством иностранных дел Российской Федерации на основании приглашения, выданного ФСЕММ. Как и ранее, заявитель зарегистрировался по месту жительства в милиции по прибытии в г. Ростов-на-Дону через ростовское отделение ФСЕММ.

16. 12 июля 2001 г. родился К., сын заявителя. 2 октября 2001 г. заявитель и его жена расторгли брак; жена заявителя вернулась в Соединенные Штаты, и заявитель стал единственным опекуном ребенка.

17. 31 августа 2001 г., рассмотрев заявление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области Кировский районный суд г. Ростова-на-Дону принял решение о ликвидации ростовского отделения ФСЕММ в связи с непредставлением более трех лет сведений о продолжении своей деятельности. Как утверждает заявитель, к моменту вынесения судом решения ростовское отделение ФСЕММ существовало в качестве юридического лица на протяжении только двух лет и трех месяцев и что за восемь месяцев до этого, после государственной перерегистрации, Управление юстиции по Ростовской области выдало новое свидетельство о регистрации юридического лица. Как следует из текста судебного решения, ростовское отделение ФСЕММ было зарегистрировано в качестве юридического лица 21 мая 1998 г. Судебное заседание по делу состоялось в отсутствие сторон, и ФСЕММ узнала о принятии решения только после вступления его в законную силу 17 сентября 2001 г., лишившись права на обжалование.

18. 10 октября 2001 г. заявитель был вызван в ростовскую милицию, где его паспорт был изъят. В паспорт был поставлен штамп о том, что его регистрация "аннулирована", заявителя устно уведомили о том, что ростовское отделение ФСЕММ было ликвидировано по решению суда.

19. В дальнейшем заявитель получал регистрацию в органах внутренних дел через другие подразделения ФСЕММ, сначала в г. Новороссийске, а затем в г. Краснодаре. Его регистрация в г. Краснодаре являлась действительной на весь срок его пребывания на

территории Российской Федерации на основании действующей на тот момент визы, то есть до 19 июня 2002 г.

С. Запрет на въезд заявителя в Россию.

1. Отказ в повторном въезде в Россию.

20. 19 мая 2002 г. заявитель отправился на Кипр. Его сын остался в России с няней.

21. В 23 часа 2 июня 2002 г. заявитель прибыл в аэропорт "Шереметьево-1" в Москве на самолете, прилетевшем с Кипра. Когда он подошел к пункту паспортного контроля, два сотрудника - одна женщина и один мужчина - проверили его паспорт и вложенную в него визу. Мужчина, взяв его документы, вышел, в то время как второй сотрудник предложил ему подождать.

22. Приблизительно в 00.30 3 июня 2002 г. заявителю разрешили пересечь границу для того, чтобы забрать его багаж. Сотрудники пограничной службы провели тщательный досмотр его вещей. После чего его направили назад через паспортный контроль и далее наружу, через двери входа пассажиров с летного поля, в автобус, доставляющий пассажиров самолетов, который отвез его в транзитный зал аэропорта.

23. По прибытии в транзитный зал сотрудники предложили заявителю подождать в небольшой комнате, примыкавшей к их кабинету. В этой комнате были стол и диван, но не было телефона, вентиляции и окон. После того как он вошел в комнату, сотрудники пограничной службы заперли дверь снаружи. Сначала заявитель подумал, что он пробудет в комнате несколько минут, но через полчаса он осознал, что его поместили в импровизированную камеру заключения. Он стал стучать в дверь, требуя, чтобы его выпустили. Сотрудница сообщила ему, что его не выпустят до утра, и предложила ему спать. Десять минут спустя сотрудник вошел к заявителю с односторонним документом, к которому была прикреплена его виза. Он сказал заявителю, что его виза была аннулирована, и предложил ему подписать документ. Заявитель подчинился, хотя он не мог прочитать документ, написанный от руки на русском языке.

24. В 8.30, после 20 минут стука в дверь и крика, заявителю позволили выйти из комнаты в сопровождении охраны и воспользоваться туалетом.

25. В 10.00 человек в гражданской одежде вошел в комнату и представился как начальник сотрудников, отвечающих за паспортный контроль. Заявителю было разъяснено, что он не получит разрешения на пересечение границы Российской Федерации и что сотрудники пограничной службы только выполняли приказ и не отвечают за

принятое решение. Человек сказал, что он не знает мотивов такого решения и не может сказать, откуда получен такой приказ. Человек извинился за то, что заявителю пришлось провести ночь в комнате, он произнес: "Ночная смена умом не блистает".

26. Заявитель купил билет до г. Таллинна, Эстония. Пограничник сопровождал заявителя до того момента, как он сел на свой самолет в 11.30, вернул его паспорт, но не визу, только непосредственно перед посадкой в самолет.

27. 26 июня 2002 г. заявитель через своих представителей в России направил заказные письма в адрес:

- Министерства иностранных дел Российской Федерации;
- Федеральной службы безопасности Российской Федерации и ее подразделения в Краснодарском крае;
- Федеральной пограничной службы Российской Федерации, военной прокуратуры этой службы в службе пограничного контроля Москвы;
- Министерства внутренних дел Российской Федерации и его краснодарского подразделения по паспортно-визовым вопросам;
- Уполномоченного по правам человека Российской Федерации и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе.

28. В этих письмах заявитель спрашивал, почему ему было отказано во въезде на территорию России и почему он был задержан на восемь часов, хотя он не совершал нарушений, а также по какой причине не составлялись или ему не были вручены процессуальные документы. Он также жаловался на то, что был задержан на срок более девяти часов и что в результате его высылки его сын, которому на тот момент было 11 месяцев, остался в Российской Федерации без кого-либо из своих родителей. Первый заявитель также попросил оказать ему помощь в воссоединении с сыном..

2. Попытка вернуться в Россию по новой визе.

29. 4 июля 2002 г. заявитель получил новое приглашение, выданное Министерством иностранных дел Российской Федерации. 5 июля 2002 г. он обратился за визой для въезда на территорию Российской Федерации в консульство Российской Федерации в г. Таллинне, и в тот же день ему была выдана многократная виза со сроком действия до 3 июля 2003 г.

30. 7 июля 2002 г., при пересечении границы между Финляндией и Российской Федерацией, российские пограничники при паспортном контроле дважды поставили штамп на визе заявителя "аннулировано" и запретили ему въезд на территорию Российской Федерации. Никакого объяснения ему дано не было. Консульство Российской Федерации в г. Таллинне направило его за разъяснениями в головное

подразделение Министерства иностранных дел Российской Федерации, находящееся в г. Москве.

31. 12 апреля 2003 г. заявитель воссоединился со своим сыном, которого его няня, украинская гражданка, доставила на Украину.

Д. Производство по жалобам заявителя

32. Часть жалоб заявителя, направленных 26 июня 2002 г., оставлена без ответа. Из тех ответов, которые поступили, ни один не касался существования его жалоб. Ответы из органа пограничного контроля Москвы Федеральной пограничной службы Российской Федерации от 9 июля и 22 августа 2002 г. указывали на то, что заявителю было отказано во въезде на территорию Российской Федерации на основании пункта 1 статьи 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию", во исполнение которого другим (неназванным) государственным органом был принят подзаконный акт. Военная прокуратура ответила, что заявитель "не подвергался административному задержанию, поэтому протокол о его задержании не составлялся".

33. 8 августа 2002 г. заявитель через своего юридического представителя в г. Москве обжаловал решение об отказе ему во въезде на территорию Российской Федерации в Химкинский городской суд Московской области. Он подал жалобу от своего имени и от имени своего сына К., указав в качестве заинтересованного лица орган пограничного контроля Москвы.

34. 29 августа 2002 г. на подготовительном заседании ответчики сообщили, что они действовали согласно указаниям Федеральной службы безопасности (ФСБ). Суд признал Федеральную службу безопасности созаинтересованным лицом.

35. 5 сентября 2002 г. ответчик обратился с ходатайством о передаче дела в Московский областной суд, поскольку вопросы, предусматривающие обращение к сведениям, составляющим государственную тайну, подсудны судам субъекта Российской Федерации. Своим определением суд удовлетворил ходатайство ответчика.

36. 25 марта 2003 г., после неоднократных отложений, заседание по делу было проведено в Московском областном суде в закрытом режиме. Заявителя и его сына представляли адвокат и сотрудник Церкви Объединения в Российской Федерации, у них была отобрана подписка о неразглашении содержания заседания суда.

37. Московский областной суд отказал в удовлетворении требований заявителя. По вопросу о том, представлял ли он угрозу национальной безопасности, в решении суда указывалось следующее:

«Представитель Первого заместителя начальника Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом Управления ФСБ России... не согласился с претензиями истца и представил письменное возражение по иску... В подтверждение своей позиции представитель указал, что его доверитель одобрил рапорт об отказе гражданину США Патрику Френсису Нолану во въезде на территорию Российской Федерации, который был подготовлен Ставропольским краевым управлением Федеральной службы безопасности на основании материалов, полученных в результате оперативно-розыскных мер. По мнению экспертов ФСБ России, принимавших участие в подготовке отчета, деятельность [заявителя] в нашей стране носит деструктивный характер и представляют угрозу безопасности Российской Федерации. Представитель... подчеркнул, что угрозу государственной безопасности представляет деятельность, а не религиозные убеждения [заявителя].»

38. Иные указания на то, какая "деятельность" представляет угрозу национальной безопасности, в 9-страничном решении суда отсутствовали. Однако из решения суда может быть сделан вывод о том, что телефонные разговоры заявителя прослушивались на основании ранее выданного судом распоряжения.

39. По-видимому, региональный суд исследовал также информационное письмо Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 29 мая 2000 г., которое было озаглавлено "Информация о деятельности на территории России представителей нетрадиционных религиозных объединений", в котором, в частности, указывалось следующее:

"Представители таких иностранных сектантских общин, как "Свидетели Иеговы", Церковь Объединения Муна... используя религиозное прикрытие, формируют разветвленные управляемые структуры, с помощью которых собирают социально-политическую, экономическую, военную и другую информацию о происходящих в России процессах, проводят идеологическую обработку граждан, разжигают сепаратистские настроения... Миссионерские организации целенаправленно работают над решением поставленных определенными кругами Запада задач по созданию в России условий и отработке механизма практической реализации идеи замены "социально-психологического кода" населения страны, что автоматически приведет к стиранию в памяти людей всей более чем тысячелетней истории российской государственности, пересмотру таких понятий, как национальная самоидентификация, Родина, патриотизм и духовное наследие..."

40. Что касается содержания заявителя под стражей в течение ночи, сотрудники органа пограничного контроля Москвы в суде отрицали, что заявитель "содержался под стражей", и утверждали, что заявитель купил билет до г. Таллинна и просто ожидал своего рейса, который по расписанию вылетал на следующий день. Хотя судом было установлено, что билет в действительности был куплен утром 3 июня 2002 г., он пришел к выводу, что этот факт "не имеет юридического значения", и постановил, что заявитель не был лишен свободы.

41. Региональный суд также отметил, что власти Российской Федерации не препятствовали воссоединению заявителя с его сыном в любой другой стране, кроме Российской Федерации. Поэтому его

утверждения о вмешательстве в его семейную жизнь были отклонены как явно необоснованные.

42. Заявитель обжаловал решение суда, ссылаясь, в частности, на то, что Московский городской суд не рассмотрел вопрос о том, имели ли Федеральная служба безопасности Российской Федерации какие-либо реальные правомерные основания для сделанных ею "выводов". Он ссылался на статьи 5, 8, 9 и 14 Конвенции.

43. 19 июня 2003 г. Верховный Суд Российской Федерации в составе трех судей в закрытом заседании отказал заявителю в удовлетворении его жалобы. Он определил, что нарушения прав заявителя, предусмотренные Конвенцией, отсутствовали. Решение суда было основано на административной компетенции Федеральной службы безопасности Российской Федерации и органа пограничного контроля по принятию решений в сфере национальной безопасности и пограничного контроля. Верховный Суд Российской Федерации не указал, какая деятельность заявителя предположительно представляла угрозу национальной безопасности:

«Решение вопроса о том, представляет ли деятельность того или иного гражданина (в отношении которого выносится заключение на закрытие въезда в Российскую Федерацию), угрозу безопасности государства или нет... относится к компетенции органов Российской Федерации... указанное право государства является одним из признаков его суверенитета. Таким образом, вывод (регионального) суда о том, что утверждения заявителя и его представителей о превышении ФСБ России своих полномочий, в данном случае является несостоятельным» [соответствует оригиналу].

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

A. Положения, касающиеся высылки иностранцев с территории Российской Федерации.

44. Компетентный орган, такой, как Министерство иностранных дел или Федеральная служба безопасности, может принимать решение о нежелательности пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации. Такое решение может быть принято, если иностранный гражданин незаконно находится на территории Российской Федерации либо если пребывание иностранного гражданина, законно находящегося в Российской Федерации, создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения и так далее. Иностранец, в отношении которого принято решение о нежелательности пребывания в Российской Федерации, обязан выехать из Российской Федерации, в противном случае он подлежит депортации. Решение о нежелательности пребывания иностранного

гражданина в Российской Федерации является основанием для последующего отказа во въезде в Российскую Федерацию (статья 25.10 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" N 114-ФЗ от 15 августа 1996 г. с изменениями от 10 января 2003 г.; далее - "Закон о порядке въезда").

45. Въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства не разрешается в случае, если это необходимо в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства, либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения (пункт 1 статьи 27 Закона о порядке въезда).

46. Руководство по проверке документов у лиц, следующих через Государственную границу Российской Федерации, утвержденное приказом Федеральной пограничной службы России от 4 августа 2000 г. N 0234 (далее - Руководство о пересечении границы), не было опубликовано или обнародовано. Заявитель утверждал, что оно содержало следующие положения, чего не оспаривали власти Российской Федерации:

"...при выявлении (лиц, которым запрещен въезд на территорию Российской Федерации) должностные лица органов пограничного контроля сообщают им основания отказа в пересечении границы, препровождают их в изолированные помещения и организуют их охрану, а также принимают меры к выдворению таких лиц за пределы территории Российской Федерации"

В. Положения об ответственности Государства за вред, причиненный лицу.

47. Вред, причиненный гражданину, в частности, в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, возмещается за счет казны Российской Федерации или за счет казны субъекта Российской Федерации (пункт 1 статьи 1070 Гражданского кодекса). Суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации морального вреда, причиненного лицом путем действий, нарушающих его личные неимущественные права, такие, как личная неприкосновенность, право свободного передвижения (статьи 150 и 151 Гражданского кодекса). Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда, в частности, вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу (пункт 2 статьи 1100).

III. ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЕЛУ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ (TRAVAUX PRÉPARATOIRES).

1. Пояснительный доклад к Протоколу N 7 к Конвенции (ETS N 117) определяет сферу применения статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции следующим образом:

«9. Статус "имеющий место жительства" подразумевает неприменение требований статьи 1, касающихся иностранцев, которые прибыли в порт прибытия или другой пункт въезда, но еще не прошедших иммиграционный контроль, или кто имеет право въезда на территорию государства с целью только транзита или ограниченного периода пребывания не для постоянного места жительства...

Этот статус имеет юридическую силу во внутригосударственном законодательстве государств-участников. Таким образом, внутригосударственное законодательство определяет законные условия, которые должны быть выполнены лицом, пребывающим на территории конкретной страны..

... Иностранец, имеющий разрешение на въезд и пребывание согласно определенным требованиям, например определенный период пребывания, и тот, кто больше не соблюдает эти требования, не может считаться законно пребывающим в стране"».

2. Доклад далее ссылается на определения понятия "законного пребывания", содержащиеся в других международных документах:

Статья 11 Европейской конвенции о социальной и медицинской помощи (1953).

«а) Пребывание иностранного гражданина на территории одной из Договаривающихся Сторон считается законным в смысле настоящей Конвенции, если он имеет действующее разрешение на пребывание или иной предусмотренный законодательством соответствующей страны документ, разрешающие находиться на ее территории...

б) Пребывание считается незаконным с момента принятия любого решения о высылке данного лица, если отсрочка его исполнения не предусматривается.»

Раздел II Протокола Европейской Конвенции о месте постоянного проживания (1955).

"а) Правила, регулирующие въезд, проживание и передвижение иностранцев, а также их право заниматься коммерческой деятельностью, не должны быть затронуты настоящей Конвенцией, если они ей не противоречат;

б) Считается, что граждане Договаривающейся Стороны проживают на территории другой Стороны на законных основаниях, если они подчиняются упомянутым правилам".

3. Доклад раскрывает понятие "высылка" следующим образом:

"10. Понятие высылки используется в общем значении как средство, предусматривающее выдворение иностранца с территории государства, но которое не включает в себя понятие экстрадиции. Высылка в этом значении является самостоятельным понятием, независимым от любого определения, представленного во внутригосударственном законодательстве. Тем не менее в целях, указанных выше, в пункте 9, оно не относится к высылке иностранца, который пересек границу незаконно, за исключением случаев, когда их местоположение впоследствии было урегулировано.

11. Пункт 1 этой статьи предусматривает, во-первых, что лицо может быть выслано только в случае принятия законного решения. Это положение не содержит исключений. Однако "право" отсылает к национальному законодательству конкретного государства. Следовательно, решение должно быть принято компетентным органом государственной власти и согласно соответствующим процессуальным нормам".

ПРАВО.

I. СОБЛЮДЕНИЕ ВЛАСТЯМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СТАТЬИ 38 КОНВЕНЦИИ.

51. Европейский Суд отмечает, что 1 марта 2005 г., коммуницировав жалобу властям Российской Федерации, он предложил представить копию доклада Федеральной службы безопасности от 18 февраля 2002 г. для целей выяснения фактических оснований для высылки заявителя из России. Учитывая конфиденциальный характер доклада, он напомнил властям Российской Федерации о возможности ограничения публичного доступа к документу в соответствии с пунктами 1 и 2 правила 33 Регламента Суда. Власти Российской Федерации отказались представить копию на том основании, что российское законодательство не предусматривает порядка сообщения сведений, отнесенных к государственной тайне, международной организации.

52. На стадии приемлемости Европейский Суд повторно предложил предоставить копию доклада от 18 февраля 2002 г. и поставил вопросы сторонам относительно соблюдения властями Российской Федерации

их обязательств, вытекающих из статьи 38 Конвенции, которая в соответствующей части предусматривает:

Статья 38

«1. Если Европейский Суд объявляет жалобу приемлемой, он

- (а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия ...»

4. В своих объяснениях по существу дела власти Российской Федерации вновь отказались представить доклад, указывая, что он содержит оперативные и следственные данные о "незаконной деятельности П.Ф. Нолана (на) территории Российской Федерации". Эта информация относится к государственной тайне и не может быть представлена Европейскому Суду. Власти Российской Федерации утверждали, что их отказ совместим с обязанностями государства и вытекает из положений статьи 10 Конвенции.

54. В своем заявлении в Европейский Суд от 10 ноября 2005 г. К., представитель заявителя в национальном разбирательстве, указывал, что он осведомлен о содержании доклада от 18 февраля 2002 г., но, будучи связан обязательством неразглашения, не имеет возможности информировать Европейский Суд о его содержании.

55. Европейский Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, установленной статьей 34 Конвенции, важнейшее значение имеет создание государствами всех необходимых условий для надлежащего и эффективного рассмотрения жалоб (см. Постановление Большой Палаты по делу "Танрыкулу против Турции" (Tanrikulu v. Turkey), жалоба N 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Это обязательство требует от государств-участников создания всех необходимых условий для работы Европейского Суда, проводящего исследование обстоятельств дела или исполняющего свои общие обязанности по рассмотрению жалоб. Уклонение государства от представления информации, которой оно владеет, без удовлетворительного объяснения может не только обусловить вывод об обоснованности утверждений заявителя, но и оказать отрицательное влияние на оценку соблюдения государством-ответчиком его обязательств, вытекающих из подпункта "а" пункта 1 статьи 38 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Тимурташ против Турции" (Timurtas v. Turkey), жалоба N 3531/94, § 66, ECHR 2000-VI).

56. Европейский Суд принимает к сведению, что власти Российской Федерации отказались представить копию документа, запрошенного Европейским Судом, несмотря на неоднократные требования об этом. Они не отрицали, что документ находится в их распоряжении. В оправдание отказа они ссылались на то, что российское законодательство не предусматривает порядка передачи таких документов международной организации. Однако Европейский Суд напоминает, что, ратифицируя Конвенцию, государства-участники в соответствии с подпунктом "а" пункта 1 статьи 38 Конвенции согласились создавать все необходимые условия для эффективного рассмотрения жалоб. Это обязательство предполагает принятие всех процедур, необходимых для беспрепятственной передачи документов в Европейский Суд и обмена с ним. При таких обстоятельствах простая ссылка на структурный недостаток национального законодательства, делающий невозможной передачу конфиденциальных документов международным органам, является неудовлетворительным объяснением для оправдания удержания ключевой информации, запрошенной Европейским Судом. Кроме того, обращает на себя внимание, что доклад был исследован в рамках национального разбирательства, и представитель заявителя мог ознакомиться с его содержанием, но не раскрыл его содержание Европейскому Суду из-за обязательства о неразглашении, которое он был вынужден подписать. Этот факт указывает на то, что характер содержащейся в докладе информации не исключал любой возможности ознакомления с нею кого-либо, помимо специальных разведывательных служб и высших должностных лиц государства. Наконец, даже если существовала законная обеспокоенность по поводу раскрытия доклада с точки зрения безопасности, власти Российской Федерации могли устранить ее путем удаления конфиденциальных фрагментов или представления краткого обзора соответствующих фактических оснований, чего в настоящем деле сделано не было.

57. Учитывая важность сотрудничества государства-ответчика в рамках конвенционного разбирательства и имея в виду сложности, возникающие при установлении фактов по делам такого характера, как настоящее, Европейский Суд находит, что властями Российской Федерации не соблюдено их обязательство, вытекающее из пункта 1 статьи 38 Конвенции, в связи с отказом представить копию запрошенного доклада.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 9 КОНВЕНЦИИ

5. 58. Заявитель жаловался со ссылкой на статью 9 Конвенции на высылку из России, которая предположительно имела целью наказание

за исповедование и распространение своей религии. Статья 9 предусматривает следующее:

"1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц".

А. Замечания сторон.

59. По мнению заявителя, власти Российской Федерации признали в своих объяснениях о приемлемости и по существу жалобы, что санкция в виде высылки из России была применена к нему в связи с его религиозной деятельностью. Соответственно, эта санкция представляла собой вмешательство в его право на свободу религии. Он подчеркивал, что различие между "деятельностью" и религиозными взглядами, на которое ссылались власти Российской Федерации в своих объяснениях, являлось искусственным и неэффективным, поскольку статья 9 Конвенции защищает как религиозные верования (*forum internum*), так и отправление религиозных обрядов (*forum externum*). Что касается оправданности вмешательства, заявитель подчеркивал, что интересы национальной безопасности, на которые делалась ссылка в национальном разбирательстве, не были включены в качестве законной цели в пункт 2 статьи 9 Конвенции. Официальная политика российского правительства, рассматривающая "иностранцы" религии и миссионеров в качестве угрозы национальной безопасности, несовместима с Конвенцией. Религиозный плюрализм составляет основу демократического общества: национальная безопасность требует от правительства его защиты, а не противодействия ему. Кроме того, заявитель утверждал, что ни он, ни Церковь Объединения не участвовали в какой-либо преступной деятельности, доказательством чего служит заключение, представленное Экспертным советом в Министерство юстиции (см. § 8 настоящего Постановления). Доказательства, исследованные в рамках разбирательства в Промышленном районном суде Ставрополя, на которые ссылались власти Российской Федерации в своих объяснениях

до принятия решения о приемлемости, не имели отношения к заявителю. Ни доказательства, ни решение районного суда не использовались властями государства в разбирательстве по поводу высылки заявителя, они также не были приобщены к делу. Заявитель утверждал, что вмешательство в его права, гарантированные статьей 9 Конвенции, не было оправданным.

60. Власти Российской Федерации утверждали, что высылка заявителя была оправданной с учетом резолюции Европейского парламента о культах в Европе от 29 февраля 1996 г., в которой выражалась озабоченность по поводу определенных культов, "осуществляющих деятельность незаконного или преступного характера и допускающих нарушения прав человека, такие, как плохое обращение, сексуальные посягательства, незаконное лишение свободы, рабство, поощрение агрессивного поведения или распространение расистских идеологий, уклонение от уплаты налогов, незаконный перевод средств, торговля оружием или наркотиками, нарушение трудового законодательства, незаконная медицинская практика". Власти Российской Федерации также ссылались на рекомендацию 1178 (1992) Парламентской ассамблеи Совета Европы о сектах и новых религиозных движениях и дополнительный ответ Комитета министров на эту рекомендацию, принятый 17 февраля 1994 г. (документ 7030). Власти Российской Федерации сделали из этих документов вывод о том, что государства имеют право и обязанность осуществлять наблюдение и принимать меры предосторожности в таких деликатных вопросах, как распространение религиозных учений. Деятельность заявителя как координатора групп преподобного Муна была для российских властей "мотивом", а не основанием для "принятия мер предосторожности и использования существующих правовых инструментов". Основания для высылки заявителя были получены в результате оперативно-розыскных мероприятий, отраженных в докладе управления Федеральной службы безопасности по Ставропольскому краю, датированном 18 февраля 2002 г., относительно запрета на пребывание заявителя в Российской Федерации. Как указал Московский городской суд в своем решении от 25 марта 2003 г., деятельность заявителя на российской территории имела "деструктивный характер и представляла угрозу безопасности Российской Федерации". Власти Российской Федерации подчеркивали, что угроза исходила от деятельности заявителя, а не от его религиозных взглядов.

В. Оценка Европейского Суда.

1. Наличие вмешательства в право заявителя на свободу религии.

61. Европейский Суд напоминает свой последовательный подход, согласно которому свобода мысли, убеждений и религии, предусмотренная статьей 9 Конвенции, является одной из основ "демократического общества" в значении Конвенции. В религиозном аспекте это один из важнейших элементов, составляющих особенность верующих и их представления о жизни, но он представляет ценность и для атеистов, агностиков, скептиков и незаинтересованных лиц. Плюрализм неотделим от демократического общества, которое дорогой ценой создавалось столетиями, и зависит от него. Хотя религиозная свобода представляет собой прежде всего вопрос индивидуального сознания, она также предполагает, в частности, свободу "исповедовать религию". Свидетельствование словом и делом присуще самому существованию религиозных убеждений. Европейский Суд многократно указывал, что применение административных или уголовных санкций за исповедание религиозных убеждений или осуществление права на свободу религии представляет собой вмешательство в права, гарантированные пунктом 1 статьи 9 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Сериф против Греции" (*Serif v. Greece*), жалоба N 38178/97, § 39, ECHR 1999-IX; Постановление Европейского Суда от 24 февраля 1998 г. по делу "Лариссис и другие против Греции" (*Larissis and Others v. Greece*), § 38, Reports of Judgments and Decisions 1998-I; и Постановление Европейского Суда от 25 мая 1993 г. по делу "Коккинакис против Греции" (*Kokkinakis v. Greece*), § 36, Series A, N 260-A).

62. Суть жалобы заявителя заключается не в том, что ему не было разрешено остаться или проживать в России, а в том, что его религиозные взгляды и/или деятельность обусловили запрет на его возвращение со стороны российских властей. Европейский Суд напоминает в этой связи, что в то время, как право иностранца на въезд или пребывание в стране не гарантировано Конвенцией само по себе, иммиграционный контроль должен осуществляться в соответствии с конвенционными обязательствами (см. Постановление Европейского Суда от 28 мая 1985 г. по делу "Абдулазиз Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства" (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom*), § 59 - 60, Series A, N 94). Что касается статьи 9 Конвенции, он подчеркивал, что "высылка как таковая... не образует вмешательства в права, гарантированные статьей 9 Конвенции, если не установлено, что мера была направлена на воспрепятствование осуществлению таких прав и пресечение распространения религии или философии ее последователей" (см.

Решение Комиссии по правам человека от 19 марта 1981 г. по делу "Омкарананда и Дивайн Лайт Центрум против Швейцарии" (Omkarananda and the Divine Light Zentrum v. Switzerland), жалоба N 8118/77, Decisions and Reports (DR) 25, p. 118). Позднее Европейский Суд рассматривал дела против Болгарии, в которых использование государством иммиграционного контроля в качестве инструмента пресечения религиозной деятельности заявителя, находящегося в его юрисдикции, было признано основанием для приемлемой жалобы на вмешательство в права, предусмотренные статьей 9 Конвенции (см. Решение Европейского Суда от 25 января 2001 г. по делу "Аль-Нашиф против Болгарии" (Al-Nashif v. Bulgaria), жалоба N 50963/99, и Решение Европейского Суда от 5 ноября 1997 г. по делу "Лоттер против Болгарии" (Lotter v. Bulgaria), жалоба N 39015/97). По латвийскому делу Европейский Суд указал, что отказ в выдаче евангелическому пастору постоянного вида на жительство "для религиозной деятельности", основанный на соображениях государственной безопасности, представлял собой вмешательство в право заявителя на свободу религии (см. Постановление Европейского Суда от 8 ноября 2007 г. по делу "Перри против Латвии" (Perry v. Latvia), жалоба N 30273/03, § 10 и 53). Отсюда следует, что, если мера, затрагивающая продолжение пребывания заявителя в данном государстве, применена в связи с осуществлением им права на свободу религии, она может содержать вмешательство в это право.

63. Соответственно, в настоящем деле Европейский Суд должен установить, была ли высылка заявителя из России связана с осуществлением права на свободу религии. Европейский Суд отмечает, что заявитель прибыл в Россию в 1994 году по приглашению Церкви Объединения, религиозной организации, официально зарегистрированной в России. Он получил разрешение на проживание, которое впоследствии продлевалось ежегодно на основании приглашений Церкви Объединения и ассоциированной неконфессиональной организации в Санкт-Петербурге. В 1999 году он переехал в г. Ростов-на-Дону для работы в Ростовском отделении Церкви Объединения. В материалах дела отсутствуют указания, и власти Российской Федерации не утверждали, что Церковь Объединения или ее отделения участвовали в деятельности, выходящей за пределы распространения своего учения и руководства своими последователями в соответствии с заповедями духовного движения преподобного Муна. Религиозный характер их деятельности подтверждается обратным указанием решения Промышленного районного суда г. Ставрополя, который запретил деятельность аффилированной общественной организации в связи с "осуществлением религиозной деятельности под прикрытием

зарегистрированной общественной организации" (см. § 13 настоящего Постановления).

64. Кроме того, ничто не свидетельствует, что заявитель осуществлял трудовую деятельность или занимал должность за пределами Церкви Объединения и ее организаций или что он осуществлял иную деятельность помимо религиозной и общественной работы в качестве миссионера Церкви Объединения. Власти Российской Федерации последовательно утверждали, что угрозу национальной безопасности представляла "деятельность", а не его "религиозные взгляды". Однако в разбирательстве в Европейском Суде они не указали, какую природу или характер имела нерелигиозная деятельность, которую предположительно осуществлял заявитель. Хотя они неопределенно упомянули определенные "данные" оперативно-розыскных мероприятий относительно "деятельности" заявителя, они не использовали возможность обосновать это утверждение представлением копии доклада Федеральной службы безопасности, которую неоднократно запрашивал Европейский Суд.

65. Наконец, Европейский Суд не может пренебречь доводом заявителя о том, что Концепция национальной безопасности Российской Федерации с изменениями от *** января 2000 г. провозгласила, что национальная безопасность России должна обеспечиваться, в частности, путем "противодействия негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров". Описание любой деятельности иностранных религиозных миссионеров в качестве вредной для национальной безопасности подкрепляет его довод о том, что его религиозные взгляды в сочетании с его статусом иностранного миссионера иностранной религиозной организации могли составлять основу решения российских властей о воспрепятствовании ему в возвращении в Россию.

66. С учетом доводов сторон и информации, содержащейся в материалах дела, Европейский Суд находит, что деятельность заявителя в России имела преимущественно религиозный характер и составляла осуществление его права на свободу религии. Учитывая тот факт, что участие заявителя в иной, нерелигиозной деятельности не подтверждено, а также, принимая во внимание общую политику, раскрытую в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, о том, что иностранные миссионеры представляют угрозу национальной безопасности, Европейский Суд находит установленным, что запрет пребывания заявителя в России был направлен на пресечение осуществления им права на свободу религии и распространения учения Церкви Объединения. Таким образом, имело место вмешательство в права заявителя, гарантированные статьей 9 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Абдулазиз Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства",

Решение Комиссии по правам человека по делу "Омкарананда и Дивайн Лайт Центрум против Швейцарии" и Решение Европейского Суда по делу "Лоттер против Болгарии", все упоминавшиеся выше).

67. Чтобы определить, составляло ли это вмешательство нарушение Конвенции, Европейский Суд должен установить, удовлетворяло ли оно требованиям пункта 2 статьи 9 Конвенции, то есть было ли оно "предусмотрено законом", преследовало ли законную цель для целей этого положения и было ли "необходимо в демократическом обществе".

2. Обоснованность вмешательства

68. Власти Российской Федерации утверждали, во-первых, что вмешательство было оправдано, поскольку деятельность заявителя в России представляла угрозу национальной безопасности. Заявитель отрицал это утверждение.

69. Европейский Суд напоминает, что при оценке доказательств в конвенционном разбирательстве он обычно руководствуется принципом *affirmanti, non neganti, incumbit probatio* (бремя доказывания возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает). Доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых фактических презумпций. В определенных случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, которая может подтвердить или опровергнуть конкретные заявления. Уклонение государства-ответчика от представления такой информации без удовлетворительного объяснения может позволить сделать вывод об обоснованности утверждений заявителя (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 26 июля 2007 г. по делу "Махмудов против Российской Федерации" (*Makhmudov v. Russia*), жалоба N 35082/04, § 68; Постановление Европейского Суда по делу "Фадеева против Российской Федерации" (*Fadeyeva v. Russia*), жалоба N 55723/00, § 79, ECHR 2005-IV; и Постановление Европейского Суда от 6 апреля 2004 г. по делу "Ахмет Езкан и другие против Турции" (*Ahmet Ozkan and Others v. Turkey*), жалоба N 21689/93, § 426).

70. Обоснование вмешательства, предложенное властями Российской Федерации, в настоящем деле сводилось к утверждению о том, что деятельность заявителя представляла угрозу для национальной безопасности. С учетом конфиденциального характера информации очевидно, что только государство-ответчик, а не заявитель, имело доступ к материалам, которые могли подкрепить это утверждение. Однако власти Российской Федерации не представили такого материала и не предложили объяснения невозможности представления доказательств, подкрепляющих их утверждение. Кроме

того, они последовательно отказывались представить доклад от 18 февраля 2002 г., который был, по-видимому, положен в основу решения российских властей о высылке заявителя из России по причинам национальной безопасности, или, по крайней мере, изложить краткий обзор его содержания.

71. Европейский Суд также отмечает, что доказательства, подтверждающие необходимость запрета на въезд заявителя в Россию, не были представлены или исследованы в рамках национального разбирательства. Он напоминает, что, даже если речь идет о национальной безопасности, принципы законности и верховенства права в демократическом обществе требуют, чтобы меры, затрагивающие фундаментальные права человека, подлежали некой форме состязательного разбирательства в независимом органе, уполномоченном рассматривать причины такого решения и соответствующие доказательства, при необходимости с определенными процессуальными ограничениями использования секретной информации. Лицо должно иметь возможность оспорить утверждения исполнительной власти о том, что затронута национальная безопасность. Хотя оценке исполнительной власти того, что составляет угрозу национальной безопасности, естественно, уделяется значительное внимание, независимый орган должен иметь возможность реагировать, если такая позиция не имеет разумной опоры на факты или содержит толкование "национальной безопасности", которое незаконно или противоречит здравому смыслу и является произвольным. В отсутствие таких гарантий полиция или иные государственные органы могли иметь возможность произвольно посягать на права, гарантированные Конвенцией (см. Постановление Европейского Суда от 6 декабря 2007 г. по делу "Лю и Лю против Российской Федерации" (*Liu and Liu v. Russia*), жалоба N 42086/05, § 59; Постановление Европейского Суда от 20 июня 2002 г. по делу "Аль-Нашиф против Болгарии" (*Al-Nashif v. Bulgaria*), жалоба N 50963/99, § 123 - 124; и Постановление Европейского Суда по делу "Лупса против Румынии" (*Lupsa v. Romania*), жалоба N 10337/04, § 33 - 34, ECHR 2006-VII).

72. В настоящем деле представитель, выступавший от имени Федеральной службы безопасности в национальном разбирательстве, ссылаясь на доклад от 18 февраля 2002 г., но не привел конкретных данных о фактических обстоятельствах, лежавших в основе ее выводов, или о характере сведений о незаконном поведении заявителя, если таковые в действительности содержались в докладе. Московский областной суд в первой инстанции и впоследствии Верховный Суд в качестве суда кассационной инстанции ограничили пределы своей проверки выяснением того, что доклад был подготовлен в рамках административных полномочий Федеральной службы безопасности, в

отсутствие независимого исследования вопроса, имел ли вывод о том, что заявитель представлял угрозу для национальной безопасности, разумную фактическую основу. При таких обстоятельствах Европейский Суд не усматривает в национальных решениях конкретных фактических указаний, подтверждающих довод властей Российской Федерации о том, что религиозная деятельность заявителя представляла угрозу национальной безопасности.

73. Кроме того, поскольку власти Российской Федерации ссылались на защиту национальной безопасности как на основную законную цель оспариваемой меры, Европейский Суд напоминает, что исключения свободы религии, перечисленные в пункте 2 статьи 9 Конвенции, допускают узкое толкование, поскольку их состав является строго исчерпывающим; и их определение неизбежно ограничено (см. Постановление Европейского Суда от 14 июня 2007 г. по делу "Свято-Михайловская парафия против Украины" (*Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine*), жалоба N 77703/01, § 132). Законные цели, упоминаемые в этом положении, включают интересы общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или нравственности и защиту прав и свобод других лиц (см. § 58 настоящего Постановления). Однако в отличие от вторых пунктов статей 8, 10 и 11 Конвенции, пункт 2 статьи 9 Конвенции не допускает ограничений по основаниям национальной безопасности. Далеко не являясь случайным упущением, невключение этого конкретного основания в число ограничений статьи 9 Конвенции отражает первостепенное значение религиозного плюрализма как "одной из основ демократического общества в значении Конвенции", и тот факт, что государство не может диктовать лицу, во что ему верить, или принимать принудительные меры с целью принуждения его к изменению веры (см., с необходимыми изменениями, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Коккинакис против Греции", § 31; и Постановление Европейского Суда по делу "Иванова против Болгарии" (*Ivanova v. Bulgaria*), жалоба N 52435/99, § 79, ECHR 2007-...). Отсюда следует, что интересы национальной безопасности не могут служить оправданием для мер, принятых российскими властями против заявителя.

74. Что касается довода властей Российской Федерации, высказанного до признания жалобы приемлемой, о том, что религиозная деятельность заявителя нарушала личные, семейные и иные законные интересы лиц, Европейский Суд отмечает, что единственное доказательство, упоминавшееся ими в этой связи, было рассмотрено Промышленным районным судом в разбирательстве о ликвидации Ставропольского регионального отделения ФСЕММ (см. § 13 настоящего Постановления). Европейский Суд отмечает, однако, что заявитель не был сотрудником Ставропольского отделения или

стороной разбирательства о ликвидации, что он не был назван по имени или иным образом упомянут в решении районного суда и что никакие фактические выводы не делались в его отношении в рамках этого разбирательства. Кроме того, это решение районного суда не являлось основой и даже не упоминалось в разбирательстве о высылке заявителя из России. Власти Российской Федерации не разъяснили его значения и не привели иных указаний относительно того, почему они считали, что религиозная деятельность заявителя затрагивала права и свободы других лиц. Отсюда следует, что данное обоснование вмешательства в права заявителя на свободу религии не может быть признано удовлетворительным.

75. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, Европейский Суд находит, что власти Российской Федерации не выдвинули убедительного правового и фактического обоснования высылки заявителя из России в связи с его религиозной деятельностью. Соответственно, имело место нарушение статьи 9 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ, В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 9.

76. Заявитель жаловался на то, что он претерпел дискриминацию в осуществлении своего права на свободу религии в связи со своим положением иностранного миссионера в нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 9 Конвенции. Статья 14 Конвенции предусматривает следующее:

"Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам".

77. Заявитель утверждал, что существует различие в отношении к "традиционным" российским религиям и тем, которые считаются имеющими иностранное происхождение, поскольку последние отмечены в "Концепции национальной безопасности Российской Федерации" как оказывающие "негативное влияние" и представляющие угрозу национальной безопасности. Крайняя мера по высылке его из России, где он занимался законным и мирным исповедованием своих религиозных взглядов, не служила какой-либо законной цели, а также была несоразмерной любой преследуемой цели.

78. Власти Российской Федерации утверждали, что отсутствовала дискриминация по признаку религии, поскольку Московский областной суд установил, что угрозу национальной безопасности представляла "деятельность" заявителя, а не его "религиозные взгляды". Запрет деятельности Ставропольского отделения ФСЕММ не может рассматриваться как дискриминация в отношении заявителя.

79. Учитывая вывод о нарушении, который Европейский Суд сделал в отношении статьи 9 Конвенции, он не считает необходимым рассмотрение жалобы также с точки зрения статьи 14 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Перри против Латвии", § 70).

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ.

80. Заявитель и сын заявителя жаловались на то, что их принудительное разлучение, вызванное высылкой заявителя из России, нарушало их право на уважение семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции, которая предусматривает:

- "1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.
2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

А. Замечания сторон.

81. Заявитель и его сын утверждали, что заявитель не был уведомлен заранее о решении по поводу его высылки, и ему не было разрешено путешествовать совместно с сыном. Он проживал в России восемь лет и не имел в другом месте обустроенного жилища, в которое мог бы перевезти своего сына. В результате действий государства он столкнулся с практическими трудностями подготовки из-за границы документов на ребенка, включая выездную визу, через третье лицо - няню, не имевшую с ним семейных связей. Рассмотрение его жалобы растянулось на семь с половиной месяцев из-за систематического отложения, которое суд предпринимал в связи с неподготовленностью

ФСБ к судебным заседаниям. Как они утверждали, это составляло вмешательство в право заявителя и его сына на уважение их семейной жизни, которому власти Российской Федерации не представили разумного обоснования.

82. Власти Российской Федерации утверждали, что российское законодательство одинаково относится ко всем иностранцам, независимо от того, имеют они или нет несовершеннолетних детей в России. Не имеется данных о том, что государственные органы препятствовали заявителю в воссоединении с его сыном в другом государстве. Он также не продемонстрировал, что принимал меры по вывозу своего сына из России. В любом случае Конвенция не гарантирует права на организацию семейной жизни в конкретной стране (здесь они сослались на Постановление Большой Палаты по делу "Сливенко против Латвии" (Slivenko v. Latvia), жалоба N 48321/99, § 97, ECHR 2003-X). В отличие от первой заявительницы по делу Сливенко, которая прибыла в Латвию в 10-месячном возрасте и провела там всю свою жизнь, заявитель прибыл в Россию взрослым и прожил там только восемь лет. Его интеграция в российское общество может быть поставлена под сомнение, поскольку он не мог, по собственному признанию, прочесть документ, написанный по-русски. Кроме того, в силу профессии религиозные миссионеры должны быть готовы к перемене места жительства без особых проблем. Наконец, власти Российской Федерации утверждали, что в любом случае вмешательство в семейную жизнь заявителя соответствовало закону, преследовало законную цель защиты национальной безопасности, а также было необходимым в демократическом обществе.

В. Оценка Европейского Суда.

83. Что касается жалобы в соответствии со статьей 8 Конвенции, Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что заявитель и его сын не утверждали, что уважение их прав, гарантированных этим положением, требует разрешения на организацию семейной жизни в России, а не в другом месте. Они указывали, что решение о высылке заявителя было принято, когда он еще находился на российской территории, однако он не был предупрежден об этом решении и не имел возможности организовать в качестве единственного родителя и законного представителя К. его переезд. В этой связи Европейский Суд отмечает, что от составления доклада Федеральной службы безопасности от 18 февраля 2002 г., который, по-видимому, послужил основой для высылки заявителя, до исполнения решения о высылке в начале июня 2002 г. прошло больше трех месяцев. В течение этого периода российские власти, очевидно, сознавали, что заявителю не будет разрешено возвратиться в Россию, однако не имеется сведений о

том, что заявитель так или иначе предвидел такую возможность. После его высылки из России в июне 2002 г. попытки получения новой визы и возвращения в Россию для воссоединения со своим сыном также были пресечены. Это повлекло ситуацию, в которой заявитель был лишен физического доступа к своему сыну, который оставался в России под присмотром няни. Физическое разлучение заявителя с сыном продолжалось примерно 10 месяцев, в течение которых заявитель пытался оспорить решение о высылке и организовать получение необходимых документов, таких, как российская выездная виза, которые позволили бы сыну покинуть Россию. Период разлучения был прямым следствием сочетания действий российских властей (решение о высылке заявителя из России) и бездействия (неуведомление заявителя об этом решении и непринятие мер, которые позволили бы его сыну покинуть Россию).

84. Что касается квалификации этих действий и бездействия российских властей, Европейский Суд напоминает, что, хотя цель статьи 8 Конвенции заключается, прежде всего, в защите лица от произвольного вмешательства со стороны публичных властей, она не просто вынуждает государство воздерживаться от такого вмешательства. В дополнение к этому изначально негативному обязательству может возникать позитивное обязательство, присущее эффективному соблюдению права на уважение личной жизни. Эти обязательства могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения личной и семейной жизни. Границы между позитивным и негативным обязательствами, вытекающими из статьи 8 Конвенции, не требуют точного определения. Применимые принципы так или иначе являются одними и теми же. В частности, в обоих случаях должно быть установлено справедливое равновесие между конкурирующими интересами (см. Постановление Большой Палаты по делу "Диксон против Соединенного Королевства" (*Dickson v. United Kingdom*), жалоба N 44362/04, § 70, ECHR 2007-...).

85. Европейский Суд не считает необходимым рассматривать в настоящем деле вопрос о том, следует ли его анализировать с точки зрения позитивного или негативного обязательства, поскольку полагает, что ключевым вопросом является установление справедливого равновесия между конкурирующими публичным и частным интересами.

86. Как отмечалось выше, в период, относящийся к обстоятельствам дела, заявитель был единственным родителем и законным представителем своего сына. К моменту их разлучения К. едва достиг 10-месячного возраста, который является уязвимым и имеет большое значение для формирования личности ребенка. Интересы заявителя и его сына, очевидно, состояли в сохранении до

максимальной возможной степени физического контакта, а при невозможности этого в скорейшем воссоединении.

87. Власти Российской Федерации ссылались на интересы национальной безопасности как на единственное обоснование избранного ими образа действий. Европейский Суд уже установил, что они не представили никаких материалов или доказательств, свидетельствующих о том, что пребывание заявителя на российской территории действительно представляло угрозу для национальной безопасности. Отсюда следует, что власти Российской Федерации не представили обоснование, которое могло бы перевесить законный интерес заявителя и его сына в совместном пребывании.

88. Кроме того, Европейский Суд напоминает, что государство имеет позитивное обязательство по обеспечению эффективной защиты детей (см. Постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 г. по делу "L.C.B. против Соединенного Королевства" (L.C.B. v. United Kingdom), § 36, Reports 1998-III; Постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 г. по делу "Осман против Соединенного Королевства" (Osman v. United Kingdom), § 115 - 116, Reports 1998-VIII; и Постановление Большой Палаты по делу "Z и другие против Соединенного Королевства" (Z and Others v. United Kingdom), жалоба N 29392/95, § 73, ECHR 2001-V). Российские власти не отрицали, что были осведомлены о ситуации заявителя как единственного родителя. Они также признавали, что его высылка из России повлечет разлучение с К., который родился в России и никогда не покидал ее ранее, и ситуация требовала сложного оформления документов для его выезда. Однако признавая все эти факторы, власти скрыли наличие решения от заявителя, тем самым лишив его возможности принять меры для подготовки к выезду К., и также не приняли мер по облегчению выезда К. из России и их воссоединения в другой стране. Явное отсутствие оценки последствий и действий для благополучия сына заявителя должно рассматриваться как выходящее за какие-либо приемлемые пределы усмотрения со стороны государства.

89. Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении заявителя и его сына.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ.

90. Заявитель жаловался на то, что он был задержан в аэропорту Шереметьево в Москве в нарушение гарантий статьи 5 Конвенции, которая предусматривает:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом...

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию".

А. Замечания сторон

91. Заявитель просил Европейский Суд учесть его конкретную ситуацию при определении того, был ли он лишен свободы. Он подчеркивал, что он был заперт в комнате в течение девяти часов, и за это время ему лишь один раз было разрешено посетить туалет под охраной. Остальное время до его отправки он постоянно находился под конвоем и наблюдением пограничников. Он утверждал, что его содержание под стражей не отвечало стандарту "законности", поскольку оно регулировалось неопубликованным Руководством о пересечении границы, которое не являлось "доступным" независимо от его формального соблюдения. Поскольку он не был заключен под стражу в соответствии с какой-либо административной или уголовной процедурой, он не располагал процессуальной защитой, которая позволила бы ему требовать проверки законности его заключения под стражу, как предусмотрено пунктом 4 статьи 5 Конвенции. Любая проверка с обратной силой не обеспечила бы вынесение решения об освобождении в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции. Наконец, он утверждал, что, поскольку суды признали, что действия пограничников не нарушали российское законодательство или статью 5 Конвенции, он не имел исполнимого права на компенсацию, как того требует пункт 5 статьи 5 Конвенции.

92. Власти Российской Федерации отрицали, что заявитель когда-либо "содержался под стражей", поскольку он не был "задержан с процессуальной точки зрения, и никакие формальные меры по заключению под стражу" не принимались. Заявителю не было разрешено пересечь российскую границу, и была предоставлена возможность пребывания в транзитной зоне аэропорта, где он мог пользоваться баром и телефоном. Соответственно, власти Российской

Федерации полагали, что статья 5 Конвенции не была применима в настоящем деле. В любом случае они утверждали, что заявитель мог подать заявление о судебной проверке его предполагаемого содержания под стражей в Московский областной суд, который удовлетворял требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции.

В. Оценка Европейского Суда.

1. Наличие факта лишения свободы.

93. Стороны не пришли к согласию по вопросу о том, был ли заявитель лишен свободы в значении статьи 5 Конвенции. Европейский Суд напоминает, что, провозглашая право на свободу, пункт 1 статьи 5 Конвенции имеет в виду физическую свободу лица; ее цель заключается в обеспечении того, чтобы никто не был лишен свободы произвольно. При определении того, имело ли место "лишение свободы" в значении статьи 5 Конвенции, отправным пунктом должна являться конкретная ситуация, и должен учитываться целый ряд критериев, таких как вид, длительность, последствия и способ применения указанной меры. Различие между лишением и ограничением свободы заключается лишь в степени или интенсивности, но не в природе или сущности (см. Постановление Европейского Суда от 25 июня 1996 г. по делу "Амуур против Франции" (*Amuur v. France*), § 42, Reports 1996-III).

94. Что касается фактов, Европейский Суд отмечает, что 2 июня 2002 г. заявитель прибыл в московский аэропорт с Кипра в 23.00. После того, как пограничники отказали ему в разрешении на въезд на российскую территорию, он был препровожден в транзитную зону. В транзитной зоне он был заперт на ночь в небольшой комнате. Ему было разрешено пользоваться туалетом, баром и телефоном утром следующего дня. Около 10.00 он приобрел билет в Таллинн и через полтора часа поднялся на борт самолета. До посадки его сопровождал пограничник.

95. Даже если заявитель не пересек российской границы, как утверждали власти Российской Федерации, во время пребывания в транзитной зоне он находился под юрисдикцией Российской Федерации. Власти Российской Федерации не утверждали, что транзитная зона аэропорта "Шереметьево" имела статус экстерриториальности, или он иным образом находился вне контроля государства (см. для сравнения Постановление Европейского Суда от 27 ноября 2003 г. по делу "Шамса против Польши" (*Shamsa v. Poland*), жалобы N 45355/99 и 45357/99, § 45). Европейский Суд поэтому находит, что заявитель находился под российской юрисдикцией и ответственностью (см. для сравнения Постановление Большой Палаты

по делу "Оджалан против Турции" (Ocalan v. Turkey), жалоба N 46221/99, § 91, ECHR 2005-IV).

96. То, что заявитель не участвовал в какой-либо административной или уголовной процедуре лишения свободы - факт, на который особенно указывали власти Российской Федерации, - не имеет значения для оценки Европейским Судом вопроса о том, имело ли место фактическое лишение или ограничение его свободы. С учетом его конкретной ситуации Европейский Суд отмечает, что во время его ночного пребывания в аэропорту "Шереметьево" он не имел возможности покинуть по своему желанию комнату, в которую был помещен, поскольку она была заперта снаружи. Хотя ему было разрешено пользоваться туалетом и баром на следующее утро, это было возможно только под постоянным контролем пограничника. Его отъезд стал возможен только на следующий день, когда он приобрел билет в Эстонию, к этому времени ночное содержание под стражей уже имело место. Довод заявителя о том, что в течение ночи его свобода была ограничена, подтверждается положениями Руководства о пересечении границы, которое обязывает пограничную службу препроводить лиц, находящихся в положении заявителя, в "изолированное помещение" и содержать их под стражей до того, как они покинут российскую территорию (см. § 46 настоящего Постановления). Соответственно, Европейский Суд находит, что условия ночного содержания заявителя в транзитном зале аэропорта "Шереметьево" в Москве практически эквивалентны, с учетом ограничений, которые он претерпел, лишению свободы, за которое несут ответственность российские власти.

2. Соблюдение пункта 1 статьи 5.

97. Заявителю было отказано во въезде в Россию, и поэтому его содержание под стражей в аэропорту "Шереметьево" охватывалось подпунктом "f" пункта 1 статьи 5 Конвенции в целях воспрепятствования неразрешенному въезду в страну. Европейский Суд напоминает, что должен установить, было ли содержание заявителя под стражей "законным" для целей пункта 1 статьи 5 Конвенции с особым вниманием к гарантиям, предусмотренным национальной системой. Если возникает вопрос о законности содержания под стражей, включая вопрос о том, был ли соблюден "порядок, установленный законом", Конвенция в значительной степени отсылает к национальному законодательству и устанавливает обязанность соблюдения его материальных и процессуальных норм, но дополнительно требует, чтобы любое лишение свободы учитывало цель статьи 5 Конвенции, которая заключается в защите лица от произвола (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Амуур против Франции", § 50).

98. Европейский Суд, таким образом, должен удостовериться в том, соответствовало ли национальное законодательство Конвенции, включая общие принципы, выраженные в ней или подразумеваемые. Что касается последних, Европейский Суд подчеркивает, что в делах, затрагивающих лишение свободы, особенно важно соблюдение общего принципа правовой определенности. Устанавливая, что любое лишение свободы должно осуществляться "в порядке, установленном законом", пункт 1 статьи 5 Конвенции не просто отсылает к национальному законодательству; как и выражения "в соответствии с законом" и "предусмотрено законом" в пунктах 2 статей 8 - 11 Конвенции, он также касается "качества закона", требуя, чтобы он был совместим с верховенством права, концепцией, воплощенной во всех статьях Конвенции. "Качество закона" в этом смысле предполагает, что национальное законодательство, которое предусматривает лишение свободы, должно быть достаточно доступным, ясным и предсказуемым с точки зрения применения во избежание угрозы произвола (см. Постановление Европейского Суда от 11 октября 2007 г. по делу "Насруллоев против Российской Федерации" (Nasrulloev v. Russia), жалоба N 656/06, § 66; Постановление Европейского Суда по делу "Худоев против Российской Федерации" (Khudoyorov v. Russia), жалоба N 6847/02, § 125, ECHR 2005-X; Постановление Европейского Суда по делу "Йечюс против Литвы" (Jecius v. Lithuania), жалоба N 34578/97, § 56, ECHR 2000-IX; Постановление Европейского Суда по делу "Барановский против Польши" (Baranowski v. Poland), жалоба N 28358/95, § 50 - 52, ECHR 2000-III; и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Амююр против Франции").

99. Утверждая, что заявитель не был "лишен свободы" в значении российского законодательства, власти Российской Федерации не сослались на какие-либо положения национального законодательства, которое могло регулировать лишение свободы, примененное к нему. Заявитель указывал, что его содержание под стражей могло осуществляться в соответствии с Руководством о пересечении границы (см. § 46 настоящего Постановления), поскольку он относился к категории лиц, въезд которым в Россию был запрещен. Он указывал, однако, что Руководство о пересечении границы никогда не публиковалось и не обнародовалось. Власти Российской Федерации не оспаривали этого довода. Соответственно, Европейский Суд находит, что Руководство о пересечении границы не отвечало требованиям доступности и предсказуемости и не достигало стандарта "качества закона", требуемого в соответствии с Конвенцией. Национальная система не смогла защитить заявителя от произвольного лишения свободы, и его содержание под стражей не может рассматриваться как "предусмотренное законом" для целей пункта 1 статьи 5 Конвенции.

100. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

3. Соблюдение пункта 4 статьи 5.

101. Европейский Суд отмечает, что заявитель был лишен свободы на непродолжительный период. Этот период лишения свободы завершился его отъездом из России, то есть до того, как он подал жалобу о судебной проверке его содержания под стражей. Поскольку заявителю была возвращена свобода до того, как судебная проверка его содержания под стражей состоялась, Европейский Суд не считает необходимым рассмотрение по существу его жалобы с точки зрения пункта 4 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 30 августа 1990 г. по делу "Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства" (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom), § 45, Series A, N 182).

4. Соблюдение пункта 5 статьи 5.

102. Европейский Суд напоминает, что пункт 5 статьи 5 Конвенции соблюдается, если возможно потребовать компенсации в связи с лишением свободы, нарушающим пункты 1, 2, 3 или 4 той же статьи. Право на компенсацию, предусмотренное пунктом 5, таким образом, предполагает, что нарушение одного из вышеперечисленных пунктов статьи 5 Конвенции было установлено властями страны или Европейским Судом (см. Постановление Европейского Суда от 25 октября 2007 г. по делу "Говорущко против Российской Федерации" (Govorushko v. Russia), жалоба N 42940/06, § 57; Постановление Европейского Суда от 25 октября 2005 г. по делу "Федотов против Российской Федерации" (Fedotov v. Russia), жалоба N 5140/02, § 83; и Постановление Большой Палаты по делу "N.C. против Италии" (N.C. v. Italy), жалоба N 24952/94, § 49, ECHR 2002-X).

103. В настоящем деле Европейский Суд установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что лишение свободы заявителя не осуществлялось "в порядке, предусмотренном законом". Европейский Суд, таким образом, должен установить, имеет ли заявитель исполнимое право на получение в судебном порядке компенсации за нарушение статьи 5 Конвенции.

104. Европейский Суд отмечает, что согласно положениям Гражданского кодекса Российской Федерации (см. § 47 настоящего Постановления) возмещение государством материального ущерба и/или морального вреда возможно только в случае, если заключение под стражу было признано незаконным в рамках национального разбирательства. Однако в настоящем деле Московский городской суд, а впоследствии Верховный Суд не считали, что заявитель был лишен

свободы. Таким образом, заявитель не имеет оснований требовать компенсацию за лишение свободы, которое было признано нарушающим пункт 1 статьи 5 Конвенции.

105. Соответственно, имело место нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 7 К КОНВЕНЦИИ.

106. Заявитель утверждал, что решение о его высылке было принято в нарушение гарантий статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции, которая предусматривает:

"1. Иностранец, на законных основаниях проживающий на территории какого-либо Государства, не может быть выслан из него иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и должен иметь возможность:

- а) представить аргументы против его высылки,
- б) требовать пересмотра его дела, и
- с) для этих целей быть представленным перед компетентным органом или перед одним или несколькими лицами, назначенными таким органом.

2. Иностранец может быть выслан до осуществления его прав, перечисленных в подпунктах "а", "б" и "с" пункта 1 настоящей статьи, если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности".

А. Замечания сторон.

107. Заявитель утверждал, что он законно проживал в России в течение более чем семи лет и что в момент попытки возвращения он имел действительную визу. Виза сохраняла полную силу в период, относящийся к обстоятельствам дела, и решение о его депортации или сокращении ее срока действия не принималось. Таким образом, заявитель являлся законным резидентом России, даже если во время событий он не находился на российской территории. Решение, принятое в его отношении, являлось мерой "по выдворению иностранца с территории государства" в значении Пояснительного доклада к Протоколу N 7 к Конвенции и, таким образом, связано с понятием "высылки". Заявитель, наконец, утверждал, что он не располагал процессуальными гарантиями, предусмотренными пунктом 1 статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции. Поскольку власти Российской Федерации ссылались на оговорку национальной безопасности,

содержащуюся в пункте 2 этого положения, заявитель утверждал, что это представляло собой нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции.

108. Власти Российской Федерации утверждали, во-первых, что заявитель не пребывал в России, поскольку он прибыл с Кипра. Во-вторых, они указывали, что его виза перестала быть действительной, и его пребывание в связи с этим было незаконным, ссылаясь на решение Комиссии по правам человека по делу "Вульфович и Ульянова против Швеции" (Voulfouvitch and Oulianova v. Sweden) (жалоба N 19373/92, решение Комиссии по правам человека от 13 января 1993 г.). В-третьих, они утверждали, что решение о высылке заявителя принималось "в соответствии с законом", а именно пунктом 1 статьи 27 Закона о порядке въезда, и что иностранец мог быть выслан до того, как использует свои процессуальные права, если это необходимо "в интересах общественного порядка или по причинам национальной безопасности". Власти Российской Федерации не указали причин принятия решения о высылке, сославшись на "общепринятую международную практику". Они, наконец, подчеркивали, что право допуска иностранцев на свою территорию является общепризнанным суверенным правом государства.

В. Оценка Европейского Суда.

1. Применение статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции.

109. Сфера применения статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции распространяется на иностранцев, "на законных основаниях проживающих" на территории данного государства. Таким образом, необходимо удостовериться в том, что заявитель на законных основаниях проживал в России в момент высылки с российской территории.

110. Во-первых, что касается довода властей Российской Федерации о том, что заявитель не мог считаться "проживающим", поскольку он прибыл с Кипра и, таким образом, находился вне российской территории, Европейский Суд подчеркивает, что понятие "проживания" в данном государстве шире, чем понятие "физического присутствия" на территории этого государства. Как указывает пункт 9 Пояснительного доклада к Протоколу N 7 к Конвенции, термин "имеющий место жительства" подразумевает неприменение требований статьи 1, касающихся иностранцев, которые прибыли в порт прибытия или другой пункт въезда, но еще не прошедших иммиграционный контроль, или кто имеет право въезда не для постоянного места жительства (см. § 48 настоящего Постановления). Эти исключения очевидно неприменимы к лицу, которое, как

заявитель, постоянно проживают в стране много лет. Европейскому Суду не представляется убедительным, что, получив разрешение на проживание и поселившись в данном государстве, лицо перестает быть "имеющим место жительства" всякий раз, когда оно выезжает за границу, независимо от того, сколь краткосрочным было его отсутствие. Понятие "места жительства" является родственным автономному значению "жилища", разработанному статьей 8 Конвенции, в том, что оба не ограничены физическим присутствием, но зависят от существования достаточных и длящихся связей с конкретным местом (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского Суда по делу "Прокопович против Российской Федерации" (Prokhorovich v. Russia), жалоба N 58255/00, § 36, ECHR 2004-XI; и Постановление Европейского Суда от 24 ноября 1986 г. по делу "Джиллоу против Соединенного Королевства" (Gillow v. United Kingdom), § 46, Series A, N 109). В настоящем деле заявитель непрерывно проживал в России с 1994 года и не имел места жительства в другом месте. Его пребывание за границей было непродолжительным, и по возвращении он рассчитывал продолжать пребывание в России. Это тем более очевидно с учетом того факта, что его малолетний сын К. оставался на российской территории. Европейский Суд соответственно находит, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, заявитель "имел место жительства" в России.

111. Во-вторых, что касается второго довода властей Российской Федерации относительно предположительно незаконного характера его проживания, Европейский Суд отмечает, что, в отличие от заявителей по вышеупомянутому делу "Вульфович и Ульянова", которые прибыли по однодневной транзитной визе, никогда не проживали в Швеции и не имели законного ожидания того, что им будет разрешено остаться после отклонения их ходатайства о предоставлении убежища, заявитель в настоящем деле законно проживал в России в течение более чем семи лет и в период, относящийся к обстоятельствам дела, имел многократную годовую визу, действительную до 19 июня 2002 г. Власти Российской Федерации не разъяснили, почему они полагают, что виза заявителя была недействительной в момент его попытки возвращения в Россию. Европейский Суд, со своей стороны, не усматривает в материалах дела никаких данных, которые могли бы подтвердить такое предположение. Виза, которую имел заявитель, позволяла ему проживать в России, и его место жительства было зарегистрировано на основании этой визы (см. § 19 настоящего Постановления). В его отношении не принималось постановление о депортации или какое-либо решение о сокращении срока действительности его визы. Наконец, насколько власти Российской Федерации могут быть поняты как ссылающиеся на последствия прекращения визы заявителя органом пограничного

контроля утром 3 июня 2002 г. (см. § 23 настоящего Постановления), Европейский Суд полагает, что это действие не могло лишить заявителя его статуса "проживающего на законных основаниях" в предшествующий период. В противном случае решение о высылке само по себе выводило бы лицо из-под защиты статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции с тем последствием, что ее гарантии не имели бы сферы применения вообще. Соответственно, Европейский Суд отклоняет довод властей Российской Федерации о том, что проживание заявителя не было законным.

112. Третий элемент, необходимый для применения статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции, заключается в том, что иностранец подвергается "высылке". Понятие "высылки" является автономным и не зависит от каких-либо определений, содержащихся в национальном законодательстве (см. Постановление Европейского Суда по делу "Болат против Российской Федерации" (Bolat v. Russia), жалоба N 14139/03, § 79, ECHR 2006-XI). За исключением экстрадиции любая мера, вынуждающая иностранца к выезду с территории, на которой он законно проживает, составляет "высылку" для целей статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции (там же; см. также пункт 10 Пояснительного доклада, цитируемого в пункте 50 настоящего Постановления). Европейский Суд не сомневается в том, что, принимая решение о воспрепятствовании возвращению заявителя в Россию после его следующей поездки за границу, российские власти стремились помешать ему вернуться на российскую территорию и вынудить его к окончательному выезду из России. Соответственно, заявитель может считаться "высланным".

113. С учетом вышеизложенных соображений Европейский Суд находит, что статья 1 Протокола N 7 к Конвенции применима в настоящем деле.

2. Соблюдение статьи 1 Протокола № 7.

114. Европейский Суд напоминает, что Высокие Договаривающиеся Стороны имеют дискреционные полномочия для решения о высылке иностранца, пребывающего на их территории, но эти полномочия должны осуществляться таким образом, чтобы не нарушить гарантированные Конвенцией права заинтересованного лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Болат против Российской Федерации", § 81; и Решение Комиссии по правам человека от 17 декабря 1976 г. по делу "Аджи против Соединенного Королевства" (Agee v. United Kingdom), жалоба N 7729/76, DR 7). Пункт 1 этой статьи Конвенции предусматривает, что лицо может быть выслано только "во исполнение решения, принятого в соответствии с законом" и при условии соблюдения определенных процессуальных гарантий. Пункт 2 допускает осуществление властями

высылки до применения таких гарантий, только если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или национальной безопасности.

115. Власти Российской Федерации ссылались на исключение, упомянутое в пункте 2 статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции, в обоснование действий российских властей против заявителя. Однако, как ранее установил Европейский Суд, они не представили каких-либо материалов или доказательств, подтверждающих их утверждение о том, что были затронуты интересы национальной безопасности или общественного порядка. Соответственно, исключение, предусмотренное в пункте 2, не может применяться в настоящем деле, и должен был применяться обычный порядок, описанный в пункте 1. Что касается соблюдения этого порядка, Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не представили объяснения тому, почему решение о высылке заявителя не доводилось до его сведения в течение более чем трех месяцев, и почему ему не было разрешено представить возражения против его высылки и использовать право на пересмотр дела с участием его адвоката. Таким образом, он не воспользовался процессуальными гарантиями, предусмотренными статьей 1 Протокола N 7 к Конвенции.

116. Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ.

117. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне"

А. Ущерб.

118. Заявитель требовал 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного его высылкой и ночным содержанием под стражей в аэропорту, дискриминационным обращением, которое он претерпел в связи с его религиозными взглядами, выдворением из жилища, которое он использовал в течение восьми лет, и принудительным разлучением с его малолетним ребенком К.

119. Власти Российской Федерации утверждали, что требование было чрезмерным и необоснованным. Они подчеркивали, что в силу профессии миссионеры часто меняют место жительства.

120. Европейский Суд признает, что заявитель претерпел моральный вред в виде страдания и разочарования, вызванных выдворением из России, которое не сопровождалось какими-либо процессуальными гарантиями, его длительным разлучением с его сыном К. и его ночным содержанием под стражей в аэропорту в отсутствие ясной правовой базы или какой-либо возможности требования компенсации. По мнению Европейского Суда, ущерб, который претерпел заявитель, не компенсируется фактом установления нарушения Конвенции. Однако он находит требование, предъявленное заявителем, чрезмерным. Оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, Европейский Суд присуждает заявителю 7 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную выше сумму.

В. Расходы и издержки.

121. Заявитель требовал 810 евро в качестве компенсации гонорара, уплаченного Холинеру за подготовку ответа на объяснения властей Российской Федерации. Он приложил расписку, оформленную на бланке Холинера.

122. Власти Российской Федерации утверждали, что это требование должно быть полностью отклонено.

123. На основе представленного материала Европейский Суд признает, что гонорар, причитавшийся за подготовку объяснений заявителя, является разумным, и эти расходы были действительно понесены. Соответственно, Европейский Суд присуждает заявителю полную сумму, требуемую в счет возмещения судебных расходов и издержек, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную выше сумму.

С. Процентная ставка при несвоевременности платежей.

124. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ЭТОМ ОСНОВАНИИ СУД

1. *Постановляет* шестью голосами против одного, что имело место нарушение пункта 1 (а) статьи 38 Конвенции, так как Власти

отказались предоставить документ, запрошенный Европейским Судом;

2. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение статьи 9 Конвенции;
3. *Постановляет* единогласно, что не было необходимости рассматривать жалобы на нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 9;
4. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении заявителя и его сына;
5. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
6. *Постановляет* единогласно, что не было необходимости рассматривать жалобы на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
7. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции;
8. *Постановляет* шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции;
9. *Постановляет* единогласно
 - (a) что Государство-ответчик в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу должно выплатить в пользу заявителя следующие денежные суммы:
 - (i) 7 000 евро (семь тысяч евро) в счет компенсации морального вреда, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную сумму;
 - (ii) 810 евро (восемьсот десять евро) в счет возмещения судебных расходов и издержек, а также любые налоги, обязанность уплаты которых может быть возложена на заявителя;
 - (b) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;
10. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 12 февраля 2009 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Кристос Розакис
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда, к данному Постановлению прилагается частично не совпадающее особое мнение судьи Ковлера.

C.L.R
S.N.

ЧАСТИЧНО НЕ СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

Я разделяю с некоторыми колебаниями выводы Европейского Суда относительно предполагаемых нарушений статей 9 и 8 и пункта 1 статьи 5 Конвенции, а также некоторые другие выводы, однако я категорически не согласен с выводами в части вопросов статьи 38 Конвенции и статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции.

Вывод о том, что имело место несоблюдение пункта 1 статьи 38 Конвенции, основан на весьма широком толковании фразы "заинтересованные Государства создают все необходимые условия" в этой статье Конвенции. Хотел бы отметить, что в недавнем Постановлении Большой Палаты по делу "Штоль против Швейцарии" Европейский Суд согласился с мнением о том, что некоторые конфиденциальные документы государств-участников допускают "необходимое усмотрение" (см. Постановление Большой Палаты по делу "Штоль против Швейцарии" (*Stoll v. Switzerland*), жалоба N 69698/01, § 136, ECHR 2007-), и существует потребность в его сохранении. Документ, запрошенный Европейским Судом в настоящем деле, представлял собой доклад Федеральной службы безопасности от 18 февраля 2002 г., содержащий фактические основания для высылки заявителя из России (см. подробности в § 51 настоящего Постановления). Сам Европейский Суд отметил, что доклад был исследован в рамках национального разбирательства, и представитель заявителя в этом разбирательстве имел возможность ознакомиться с его содержанием, но он не мог раскрыть его содержание Европейскому Суду из-за обязательства о неразглашении, которое он был вынужден подписать (см. § 36). По моему мнению, вывод Европейского Суда выглядит довольно странным: "Этот факт указывает на то, что характер содержащейся в докладе информации не исключал любой возможности ознакомления с нею кем-либо помимо специальных разведывательных служб и высших должностных лиц государства" (см. § 56). Я полагаю, что затронут серьезный вопрос, затрагивающий толкование прецедентной практики Европейского Суда по статье 38 Конвенции и концепцию пределов усмотрения государства.

Что касается статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции, я наблюдаю большую разницу между настоящим делом и делом Болат (см. Постановление Европейского Суда по делу "Болат против Российской Федерации" (*Bolat v. Russia*), жалоба N 14139/03, ECHR 2006-IX), в котором заявитель был выслан в то время, когда рассматривалась жалоба на прекращение его вида на жительство, и действовала мера обеспечения, установленная городским судом на период, необходимый для рассмотрения жалобы. Напротив, в настоящем деле заявитель мог

обжаловать решение об отказе в его возвращении в Россию в двух инстанциях, и Московский областной суд отклонил его жалобу девятистраничным решением. На мой взгляд, эта процедура удовлетворяла требованиям обоих пунктов статьи 1 Протокола N 7 к Конвенции, но Европейский Суд предпочел дать новое, довольно радикальное толкование (должен отметить, весьма краткое) пункта 2 этого положения (см. § 114 - 115 Постановления).

В качестве последнего соображения по порядку, но не по значению, хотел бы отметить, что я не уверен, что деятельность миссионера совпадает со служением священника и составляет только осуществление права на свободу религии. Понятие "социальной работы" в нашем Постановлении не разъяснено (см. § 64 - 65).